

УДК 13. 130.3

В.И. Красиков

ИЗВЕЧНАЯ ДУШЕВНАЯ ТАЙНА РОЖДЕНИЯ РЕЛИГИЙ: МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ

У моря Галилейского к бедным рыбакам Петру и Андрею (позже – к Иакову и Иоанну), закидывающим в море сети, подошел чудный человек. "И говорит им: идите за Мной, и Я сделаю васловцами человеков" (Мф.4.19.) Так, если не "конкретно-исторически", то, по крайней мере, "метафизически", было положено начало "религиям нашего века" – возобновления ставшей классической комбинации: страстного ожидания людей, алкающих спасения и тех, кто обещает, будучи одержимы своей уверенностью (ловцы), и собственно подходящей социальной ситуации для очередного религиозного действия¹.

Ситуации, наименее значительный компонент комбинации, менялись. Место преимущественно деревенских пейзажей занимала все более и более урбанизующаяся действительность, место плотников и рыбаков – разный люд: милиционеры (Сергей Тороп), интенданты (Порфирий Иванов), писатели (Рон Хаббард), журналисты (Мария Цвигун), аптекари (Тидзуо Мацумото – Секо Асахара), коммерсанты (Свами Прабхупада) и др.

Гораздо привлекательнее, оказывается, заниматься "ловлей человеков", нежели в скорбях, труде и маеете добывать хлеб насущный. Обеспеченней богатством, славой и властью. Однако главный приз не в том, а в максимализации самоосуществления – самообожении, богооплощении, когда естественное душевное стремление человеческой души к признанию и любви достигает предела в своем наполнении.

В "Евангелии от Матфея" уловлена изначальная суть "религий нашего века" – пастыри и пасомые: те, чья профессия – спасение, и те, ведомые, которые должны быть спасаемы. Немощные умом и волей – на одном полюсе; на другом – магнит ума, влияния и воли, притягивающие безвольные металлические опилки. Какими бы душеспасительными разглагольствованиями это прикрывалось. В основе любой религии лежит объединение некоторой характерной части общества (в известное время подчиняющее себе все общество) на основе удовлетворения своих общих глубинных потребностей.

Они, пастыри и стадо, магнит и металлические опилки, находят друг друга и вместе надеются изменить свою участь. В наиболее сильной степени эти общечеловеческие потребности представлены, подчеркиваю, лишь у части людей, относя-

щихся к условному типу "идеалистов", склонных к активному, более средней интенсивности, проектированию своей душевности и предрасположенностей на внешний мир. Успешно (для себя) подменяя значения "средней реальности" (здравого смысла) на "желательные, ожидаемые". В итоге именно у них общая человеческая способность доверия трансформируется, развивается в качественно иной феномен, веру, которая "есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом" (Евр.11.1.) Суть же трансформации – в радикальном сдвиге в восприятии действительности и отношении к ней.

~ Во-первых, эти люди убеждены в происхождении видимого из невидимого (Евр.11.3.), что в корне противоречит опыту повседневности.

~ Во-вторых, свою жизнь и окружающее они воспринимают как реализацию своих же надежд и планов (осуществление ожидаемого).

Что же здесь удивительного? Человеческое, слишком человеческое – и, в то же время, радикально выходящее за рамки повседневности. Религии, особенно "нашего века" (с "осевого времени"), как духовные предприятия известной части, более предрасположенных к тому людей, представляет, похоже, наиболее экстремистское явление в сфере духа. Вместе с тем, они (религии) глубоко укоренены в нашей душевности. Религия есть антропология, где последняя понимается в широком смысле: психологии, особенностей мышления, динамики социальных условий и исторического контекста. Итак, попытаемся понять природу "извечной человеческой религиозности". Тезис, который мы собираемся здесь доказать, можно сформулировать следующим образом: "в нашей душевности имманентно присутствует определенный спектр интенций, служащий старовой основой развития религиозности и, одновременно, связанный со всем исходным целым". Этот спектр не имеет изначально явственно выраженного религиозного качества, более того, может стать основой и нерелигиозного развития (к примеру, эстетического либо философского).

Каждый, кто имел возможность наблюдать всерьез религиозных людей, не мог не заметить таких важных обстоятельств в проявлении их религиозности как основательную захватченность и многосторонность. Для них религия – это не "концепция", а сама "жизнь" в ее основе, в многообразии ее проявлений, так же, как, к примеру, для подлинного художника тем же самым является его искусство. Потому, пытаясь определить, обозначить исходные религиозные основания, следует исходить из этой очевидной имманентности рели-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта Кузбасс - РФФИ № 07-06-96006-р_урал_a

гиозности человеку, ее тотального по отношению к "жизни" характера. Социальные условия, социальные группы, характерные языки с их "словарями" могут меняться, однако "антропологическая природа" (характерные ожидания и стремления) остается неизменной. Это не означает того, что именно религиозность как религиозность укоренена в человеческой природе как предрасположенность весьма общего свойства. Напротив, сама она как религиозность, зрелое и артикулированное, осознанное жизненное отношение, образ жизни, есть, всякий раз, результат социального, конкретно-исторического либо даже случайного (индивидуально-биографического) развития.

Итак, мы исходим из двух методологических положений относительно понимания природы религиозности: ее фундаментальности и многосоставного характера. Она возникает из того же источника, что и сама жизнь человека в многообразии ее смыслов, из того же источника, что и "добро и зло", "прекрасное и безобразное". Что имеется в виду?

Исходно нерелигиозная религиозность укоренена в нас, как и в живом вообще, в виде важнейшего аспекта инстинкта самосохранения – веры в широчайшем значении этого слова. Вера, вне своей религиозной либо иной конкретной артикуляции, – это жажда жить и благоdenствовать, длить и длить свое бытие, усиливая его значимость. Это самодопинг живого существа, самоусиление, самоподдерживание жизни, устремленность на переживание перспективности и значительности своего существования. Все, что обеспечивает длимость и значимость, не ставит его под угрозу – заслуживает веры. Вера, как состояние подобного переживания, есть потому неотъемлемое основание любого сознательного существования. Она – законная и послушная дочь родового инстинкта самосохранения, чудовищного господина всего живого. Это ментально-психологическое обеспечение (форма) инстинкта самосохранения, "aura" жизни.

Фундаментальное желание длить свое существование, сообщая ему позитивные состояния-качества, реализуется посредством душевной эманации ориентационно-оценочных отношений, устанавливания систем координат существования. Проще говоря, определяются сама окружающая ситуация в основных своих фрагментах и их собственные отношения-оценки.

Всякое живое существо, прежде всего, ищет ресурсы поддержки, благожелательное в своем окружении, руководствуясь избирательной симпатией к некоторым объектам, которые оказываются соразмерными собственной душевности (предпочтениям). Равно как и наоборот, определяет, оценивает некоторые объекты, ситуации как "негативные" для себя. Найденное каким-то образом фиксируется. Это приводит к многосоставному характеру будущей религиозности, религиозной веры.

Вырастая из инстинкта самосохранения (в широком смысле), являясь его имманентной формой (сама "жажды" существования), вера ("как таковая") образуема из многообразнейших душевных проявлений, ориентаций и предпочтений, которые и обеспечивают само ее бытие. Религия "образована бесчисленным множеством мотивов и побуждений; ни один из них сам по себе не носил религиозного характера, не был религией как таковой, но все они стали ею, поднявшись над областью своего зарождения, сплотившись вместе с другими и образовав новую, несводимую ни к одной из них, структуру". [1, с.603]

Большинство из них может быть представлено в виде 4 категорий ориентаций-предпочтений.

> Избегания: страхов, беспокойств, страданий, угроз утрат, чувств бессилия, малоуспешности, вины, отчаяния, разочарования и т. п.

> Поиска: безопасности, значительности, форм единения с другими, объектов любви и управления, благ и сопряженных с ними позитивных ощущений, позитивных неожиданностей и пр.

> Заботы о сохранении, приумножении своего позитивного.

> Надежды, представляющей ожидание, алкашение иного, более благосклонного по своей интенсивности.

Вполне очевидно, что подобные человеческие интенции могут порождать какие угодно мировоззренческо-поведенческие системы, равно как и полное отсутствие таковых (в виде идеологически закрепленных и специально символизированных). *Подобные интенции трансформируются в нечто иное, объединяясь, как итог, в собственно религиозность.* Это можно считать нашим вторым тезисом.

Почему, как и где происходят подобные трансформационные процессы? Они являются имманентной составляющей, аспектом одной из исторических форм рационализации и персонализации – как магистрального пути развития человеческого сознания, индивидуального и коллективного. Суть рационализации – во все большем "овладевании" реальностью посредством все более абстрактных понятий и в методическом достижении определенных практических целей путем все более точного исчисления адекватных для этого средств. [2, с.66]. Персонализацией же обозначается постепенное историческое самообособление индивидуального сознания от гомогенно-коллективного и становление его суверенно-личностных форм.

Эти трансформационные процессы имеют, прежде всего, интеллектуально-психологическую природу, т. е. представляют собой качественные метаморфозы имеющихся исходных устремлений и предпочтений. Вместе с тем, они происходят обязательно в определенно-типичном социальном окружении, являясь важнейшей формой создания и укрепления как характерных, так и общих форм

социального единства. Таким образом, они "антропологичны", т. е. представляют собой именно коэволюцию интеллектуально-психологического содержания и его социальных форм выражения в определенных исторических контекстах.

Рассмотрим сначала суть интеллектуальной и психологической составляющих трансформационных процессов, особые формы которых порождают религиозность из исходного комплекса человеческих интенций. Это *специфические формы абстрагирования, персонализации и трансцендирования*.

Тема развития абстрагирующих способностей человека необъятна. Мы же в данном контексте хотим обратить внимание на, во-первых, своеобразие именно религиозного абстрагирования, и, во-вторых, обозначить некоторые важные его процедуры.

Само абстрагирование когда-то только формировалось, устанавливалось в переходе от "мифа к логосу" или же от чувственно-наглядного, образного мышления к собственно понятийному. В этой, так сказать "экспериментальной" или "революционной", фазе становления еще не были отработаны и зафиксированы нормы, правила и традиции понятийного функционирования. Поэтому даже в прорывах познания, в обозначении необычного, широко использовались прежние, чувственно-образные средства, принимавшие форму *шока, откровения*.

Потому здесь "абстракция совершается не с помощью логики, а в результате потрясения посредством образов и воплощений. Это абстракция действует как *нигилизм* по отношению к бытию мира (курсив мой – В. К.)" [3, с.458]. Эмоциональная память этих открытых (абстракций-потрясений) социально-генетично заложена в религиозности как таковой, составляя онто-гносеологическую и феноменологическую основу, преддверие, необходимость "чуда", "иного" – в отталкивании от повседневности. Память об этих потрясениях есть денотат религиозных объектов. Она требует своего живого обновления, актуального религиозного опыта сегодняшних потрясений.

Другая особенность тех форм абстрагирования, которые затем порождают религиозность, – воспроизведение фундаментальных ограничений человеческого опыта как такового: пределов его нормальных форм и его измененные состояния. Религиозное абстрагирование, как и философское, – максималистский вариант, специализированная форма абстрагирования как такового, т. к. здесь абстрагирование имеет тенденцию восходить до предела помыслия ("Бог – предел человеческого представления" [4, с.37]), равно как и стремление к интенсификации качеств: могущество → абсолютное могущество; знание → всеведение и т. п. И, наконец, религиозное абстрагирование в некоторых своих важных результатах представляет собой духовную манифестацию особых значимых

переходных форм повседневности: болезни, сна, галлюцинаций, экстатических состояний и пр.

Далее, можно сказать, что за порождение религиозного направления развития душевности ответственны более активные формы абстрагирования у людей с более интенсивным воображением. Что имеется в виду? Мне представляется дело таким образом, что так сказать "стандарт" элементарного абстрагирования включает в себя условно три операции.

□ Экстрагирование или выявление избирательным вниманием какого-либо свойства, стороны, признака через отделение (изоляцию) от совокупности других возможных.

□ Максимализация признака или его "усиление" посредством процедур его детального определения и "субстанциализации" (порождения отдельной мысленной сущности).

□ Объективирование – приданье полученной "новой единице мысли" статуса объекта через взаимоопределительное соотнесение с другими. Описание его места в "мире идей" и, тем самым, легитимацию, "онтологическое санкционирование".

Мышление, которое не имеет традиции дифференцирования своего восприятия, для которого "то, что волнует" равнозначно "тому, что существует"[5, с.32], интенсивно продуцирует в своем содержании "религиозные объекты". Это – антропоморфные образования, проецируемые в саму объективную реальность, вернее, им приписываются значения "объективности". В итоге возникает картина мира, составленная из комплексов ощущений и произведений первых опытов абстракции, мир, который управляем своими специфическими законами всеобщей связи, "тайной симпатии (сопричастия)"[6, с.20-22].

Другой типичный интеллектуально-психологический процесс, специфические формы протекания которого порождают религиозность, – это персонализация. Под "персонализацией" понимаются развитые, зрелые стадии индивидуализации, имеющие скорее факультативный, чем социально-обязательный характер. Индивидуализация – социально необходима в человеческом обществе, состоящем из самосознавающих единиц, представляет собой процесс самообособления отдельного сознания, базирующегося на количественных параметрах: простых внешне-физических и психологических различиях от других. Индивидуализация – подготовление персонализации, самих возможностей ее старта. Персонализация – последовательность самоотличий, где их материалом выступает душевность: развитие в каком-то направлении собственных психологических качеств, их самоотчетность для сознания или рефлексивность. Персонализация исторична, т. е. имеет свои нормы с соответствующими признаками, в зависимости от эпохи, региона, цивилизации.

онного типа. Ну а где есть норма, есть и эксцессы: недоразвитость и прехождение пределов.

"Норма" религиозности формируема в нарушениях "норм" персонализации. Религиозное отношение к действительности возникает естественным образом (не только через навязывание традиции): либо как следствие инфантильности, поиска духовного патронажа, либо как следствие, форма реализации развитой персоны, сформировавшейся на особых, необыденных путях идеалистической ориентации и притязаний, возлагания на себя большой ответственности, миссии.

Религиозные формы "всех времен и народов" производимы и поддерживаемы именно подобными двумя "экстремумами" персонального развития. Мы имеем в виду неординарный интерес, особую потребность, которые обретают, прямо или косвенно, религиозные обличья. Люди, относящиеся к среднему уровню персонализации (данного исторического периода и региона), т. е. нормальные, типичные во всех отношениях для данной среды, составляют основу обыденности как видовой нормы воспроизведения человеческой жизни. Разумеется, они имеют мировоззренческие запросы, которые удовлетворяются, в том числе и религиями, имеющимися в традиции, если период социальной жизни стабилен, или же создающимися актуально, если имеет место быть кризисное развитие. Однако, в большинстве своем, доминирующий их интерес – жизненный, обыденный, неидеалистический: собственное преуспечение, семья, какие-либо социальные ценности. Религия для них является необходимой лишь в том отношении, в каком необходима сама традиция, обычай. В этом смысле религия является собой некоторые специфические компоненты привычного, размежеванного образа жизни, такие как: терапия, утешение, сакрализация и т. п.

Адептами религиозности как доминирующего жизненного интереса становятся либо "аутсайдеры", либо "призванные". Либо "нищие духом",

люди, неспособные к успешному освоению нормы развития личностных задатков, либо "богатые духом", личностными задатками специфического характера и направления реализации. Люди, неспособные к культивированию суверенного личностного "я", ищут компенсации в "супер-ego" Бога, пророка, гуру. Напротив, люди, чувствующие в себе "силы необыкновенные", и, вместе с тем, тщеславно-эгоистические, желающие и способные дать первым искомое: "спаси" их от собственной ущербности. "Спасая" других, они спасают и себя, получая самореализацию своих явно неординарных "божественных" ego-задатков.

Это две половинки одного целого, два полюса одного магнита, паства и лидеры, низший и высший уровни персонализации. Религиозность, таким образом, сопряжена с процессами персонализации ("Религия есть первое и к тому же косвенное самосознание" [4, с.33]), вызываема ее ненормальными, экстремальными формами (min, max). "Вызываема" – имеется в виду, что означенные категории людей непосредственно порождают, своим поведением, своими сознаниями, живую, актуальную, напряженно-интенсивную религиозность – в виде новых религий, культов либо поддерживают старую, как наиболее рьяная часть верующих традиционных конфессий.

Само качество религиозности, как и качество других важнейших состояний человеческой душевности (художническое, философское, научное), создается лишь в итоге особого трансформационного скачка, перерыва количественного развития, набора признаков и относительно быстрого, "моментального" возникновения новой душевной формации. Этот скачок связан с прорывом некоторых душевных пределов и потому сама его возможность обусловлена сначала нахождением у этих пределов, знанием их, исследованием их, и предполагает развитую рефлексивность и ее производную - высшую творческую способность трансцендирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зиммель Г. Религия. Социально-психологический этюд // Избранное. Т.1. Философия культуры. М.: Юрист, 1996. – С. 545-606.
2. Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Избранное. Образ общества. – М.: Юрист, 1994. – С.43-78.
3. Ясперс К. Философская вера // Смысл и назначение истории. М.: Издательство политической литературы, 1991. – 527 с.
4. Фейербах Л. Сущность христианства // Сочинения: В 2 т. М.: Наука, 1995. – С.5-321.
5. Франкфорт Г., Г. А. Франкфорт, Дж. Уилсон, Т. Якобсен. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. М.: Наука, 1984. – 236 с.
6. Фрэзэр Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.: Издательство политической литературы, 1980. – 831 с.

□Автор статьи:

Красиков
Владимир Иванович
- докт. филос. наук,
проф. каф. философии КемГУ